

«ТВЕРСКАЯ, 13», 15 - 21 июня 1995 года, 6-я стр.

ПРОГУЛКИ ПО ТВЕРСКОЙ

Погасшая звезда

Совсем еще недавно на Тверском бульваре часто можно было видеть двух театральных знаменитостей, так как они пребывали не у дел. Остужев ушел из Малого театра после нанесенного ему дирекцией оскорбления. Он предложил работу в любимом театре прогулки с любимой собакой. Второй же знаменитостью была Алиса Георгиевна Коонен, по которой в свое время сходил с ума не только вся Москва, но и за граница. Мужем ее был Александр Яковлевич Таиров - театральный режиссер, в продолжении почти полувека занимавший одно из самых видных мест на российском театральном небосклоне, а ведь в ту пору на нем сверкали такие звезды, как Станиславский, Вахтангов, Марджанов.

Судьба Коонен сложилась так, что все самые лучшие и все самые тяжкие часы ее жизни были связаны с Тверским бульваром.

А кто бы мог подумать, что из дурнушки-чухонки, эдакого гадкого утенка, сидящего где-то на самых дальних и неприметных жердочках обширного нашего Московского Художественного общедоступного (тогда) театра, вырастет вдруг крупнейшая трагическая актриса нашего столетия. Советские театры не часто отправлялись в заграничные гастроли, а вот Камерный театр, созданный специально для Коонен Таировым, был отпущен в Париж. Французы знают толк в театральном деле, особенно когда привозят их родной репертуар. Трудно описать восторг, который переживали парижане на спектаклях театра, во время трагедий, что разыгрывала на их глазах Коонен...

Началось же все с Тверского бульвара, с вечерних прогулок по нему. Молодой режиссер Таиров и молодая актриса Коонен в канун начала мировой войны решили создать свой театр или студию. Перед этим закрылся «Свободный театр», где они вместе работали и где Таиров поставил для Коонен «Покрывало Пьеретты». В своей чудесной книге воспоминаний актриса писала, что Таиров все время оглядывался на особняки вдоль бульвара.

«Вот здесь, в этом доме, - воскликнул он, показывая на один из особняков, - можно было бы сделать прекрасный театр». Однако на самом деле все вышло иначе. Ведь Коонен не случайно называли волшебницей, колдуньей. Еще раньше она усмотрела на противоположной стороне бульвара дом, принадлежавший трем братьям Пар-

шиным. Прежде им владели Вырубовы. Именно туда она отправила своего будущего мужа. В отличие от остальных домовладельцев братья Паршины, хотя и руководили бухгалтерскими курсами, посчитали пристройку к своему особняку небольшого зрительного зала на 500 мест и извлечение доходов их театрального искусства делом вполне реальным. Выполнил необходимые работы архитектор П. П. Киселев.

Значительно сложнее было справиться с главным богом московского латинского квартала, про которого поется в старинной песне:

*А Иван Богослов,
На них глядя без слов,
С колокольни своей улыбается.*

Церковь Иоанна Богослова, что в Бронной слободе, маленький чудесный храм XVII столетия, стоял к театру ближе, нежели позволяли правила Духовной Консистории. Разрешение на открытие театра с большим трудом было получено лишь к концу 1914 г. А в истории Камерного театра храм этот, как мне кажется, сыграл роковую роль, но об этом позже.

25 декабря 1914 г. родился Московский Камерный театр во главе с Александром Яковлевичем Корнблитом, взявшим себе сценический псевдоним Таиров. Премьерой стала «Сахунтала» Калидасы. Вообще Таиров предпочитал мало знакомый русской публике репертуар. Нравилось это далеко не всем, хотя на Коонен ходила буквально вся театральная Москва, иной раз были аншлаги. Дело портили братья Паршины. Все они учились тогда в Московском университете и немало думали об экономике. Экономии на зрителях, точнее на дровах, и в театре старались топить как можно меньше. А декольте, попросту говоря - голые плечи, а иной раз и спина, были обязательны для вечерних платьев той поры. Дамы выдерживали одно лишь действие. Первый сезон закончился судом, на который пошла вся труппа. Пошла и победила.

Однако братья оказались хитрее. В канун третьего годовщины театра они подписали договор об аренде здания с М. М. Шлуглейтом, у которого были более актуальные пьесы: в одной из них героиня забывала надевать костюм.

Промаявшись некоторое время по Москве и на гастролях, театр получил снова здание на Тверском бульваре,

23, на сей раз из рук наркома А. В. Луначарского, который, как оказалось, читал лекции по марксизму в кружке, где состоял Таиров, будучи студентом Петербургского университета.

В театре появляются спектакли,

ставшие подлинными шедеврами Таирова и Коонен. Среди них «Адриенна Лекувер» Э. Скриба и Э. Легювер, «Саломея» О. Уайльда, «Федра» Расина. Годы расцвета театра - тридцатые - ознаменовались постановками, ставшими классикой. Это «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского, одно из лучших прочтений этого очень репертуарного и очень сложного для искренней, а не ура-ходульной постановки произведения. Говорили, что Коонен сошла с древних египетских фресок, когда играла царицу Клеопатру, говорили, что она родилась во Франции, когда видели ее в роли Эммы Бовари в «Мадам Бовари». Посольство Франции за этот спектакль наградило театр специальной медалью.

Камерный театр пользовался все большим успехом - мест в маленьком зрительном зале не хватало. В 1925 г. по проекту В. А. Веснина началась первая перестройка театра. В 1930 г. осуществлена была вторая перестройка, в ходе которой ухитрились зрительный зал развернуть на 90 градусов и пристроить новую сценическую коробку. Старую тоже сохранили, разделив ее межэтажными перекрытиями. Тут в немислимом хитросплетении переходов и архитектурных переделок и приютилась квартира Таирова и Коонен, где после смерти любимого мужа коротала остаток дней великая трагическая актриса. Можно сказать, коротала в одиночестве - в обществе многочисленных кошек и собак, приходивших к ней на прикорм со всех окрестных дворов.

В 1932 г. по сообщению известного историка Москвы В. Козлова Камерный театр просил снести храм Иоанна Богослова. Против выступил архитектор Д. П. Сухов, вероятно, нашли и какие-то иные обстоятельства, но варвары из Моссовета ограничились лишь указанием на необходимость ликвидации глав и крестов на колокольне и самом храме. Помещения же некогда бывшего дома Бога переданы были Камерному театру для устройства всевозможных мастерских. Очень, наверное, недоволен был этим обстоятельством добрый московский старичок Никола, святитель Николай Мирликийский, особо чтимый москвичами чудотворец, как говорят, очень любивший белокаменную и ее жителей, а ему в храме посвящался особый придел.

Тут еще явился в 1933 г. знаменитый архитектор-фантазер Г. П. Гольц, про театральные творения которого сам Мейерхольд сказал: «Интересный театр, но не мой». Гольц намеревался снести целый квартал на бульваре, в